

Глава 15

В тот день Цзя Лун прождал на заднем склоне горы добрых полдня, но Чу Цзюинь так и не появился.

Когда алые отсветы заката окончательно померкли и осеннее солнце коснулось края небес, Цзя Лун, вконец продрогший и изголодавшийся, решил сам отправиться к пруду на поиски.

Молодого господина Чу он там не встретил, зато наткнулся на Янь Цзыюня, лежавшего без чувств, и спас его.

На следующее утро к Цзя Луну примчался заведующий задним склоном с тревожной вестью: ночью там снова что-то стряслось.

Управляющий Цзя похолодел от дурного предчувствия, а расспросив подробнее, узнал: за одну ночь кто-то уничтожил больше половины хризантемового сада.

Это еще что такое?!

Неужто кто-то решил пойти против небес?!

Цветы в том саду берегли до самой середины осени — ждали, когда они распустятся во всей красе, чтобы собрать лепестки и приготовить для Чу Цзюиня хризантемовое вино. Какой же проклятый грешник посмел сотворить такое злодеяние?

Цзя Лун от ярости готов был сыпать проклятиями. Примчавшись в сад, он увидел печальную картину: алое золото и снежно-белые бутоны были вырваны с корнем. Точнее сказать, их словно вывернуло из земли вместе с пластами дерна какой-то мощной магией. Глядя на это, управляющий едва сдерживал брань.

Почти все цветы полегли, и лишь в самых углах, под защитой густого кустарника, уцелело несколько разрозненных стеблей. Порыв резкого осеннего ветра качнул их, унося последние лепестки, и перед глазами предстала лишь голая, бурая земля...

— Великий управляющий, посмотрите... как же теперь быть? — новый заведующий, едва не плача, готов был пасть в ноги Цзя Луну. — Надо поскорее доложить Господину. Дело серьезное, мне одному голову не сносить!

Цзя Лун напустил на себя суровый вид и прикрикнул:

— Доложить? Господин еще и не думал просыпаться. Жить надоело, под горячую руку лезть?

— Но... что же тогда делать? — Заведующий от страха и спешки начал заикаться. — Смилуйтесь, подскажите!

— Если спросят сверху, говори — на задний склон снова пробралась нечисть. Напал какой-то злыдень, устроил переполох, но общими силами его прогнали!

Полгода пролетели незаметно, и снова в Сяньюань пришла осень.

День выдался пасмурным: небо затянуло тяжелыми, низкими тучами грязно-желтого цвета.

Ху Бинцин с самого утра была у Лао Лю. Выйдя от него, она почувствовала пронзительный холод и, подняв голову, заметила, как с неба начал сеяться тихий, мелкий дождь.

В одной руке она несла коробку с едой, в другой — зонт из промасленной бумаги. Плотно закутавшись в дорожную соболью шубу, женщина неспешно направилась к домику Янь Цзызюня.

С тех пор как несколько месяцев назад юноша поступил на службу в алхимическую лабораторию под начало Чжу Тяньгана, она почти его не видела. Если бы не утренняя весточка от Лиинь, Бинцин и не знала бы, что Цзюнь-гэер уже несколько дней занемог.

По пути ей встретилось несколько знакомых. Видя, как она, едва наступила осень, превратилась в меховой шар от страха перед холодом, они принялись подшучивать над ней, но тётушка Ху лишь фыркнула, проходя мимо.

Собственный уют — вот что важнее всего, а что там болтают другие, её не касалось. Как говорится в старой присказке? «Пусть смеются над моей шубой, а я посмеюсь, когда они в сосульки превратятся!»

Дойдя до ветхого дворика, Ху Бинцин еще издали увидела Янь Цзызюня. Он подпер раму открытого окна и, пристроившись на подоконнике, читал книгу.

— Ох, Цзюнь-гэер! — воскликнула она. — В такую-то холодину зачем ты уселся над этими бумажками? Тебе хоть полегчало?

Заметив гостью, Янь Цзызюнь поспешил выйти навстречу. Он принял из её рук вещи и с улыбкой ответил:

— Обычная простуда, сестрица Ху, немного лихорадило, но сейчас уже всё в порядке. На улице сырость, как ты решилась на такой путь в такую погоду?

Ху Бинцин скинула соболью накидку и окинула комнату беглым взглядом. Заметив, как чисто и прибрано внутри, она в очередной раз похвалила юношу про себя.

— А ты ещё не знаешь? Цзя Лун позавчера присмотрел для тебя новое место!

Янь Цзызюнь замер, удивленный новостью.

— Не знал. Расскажи же скорее, сестрица, куда меня определил господин Цзя?

Бинцин подошла к столу у окна, небрежно перелистнула страницы раскрытой книги и лукаво прищурилась:

— Место на славу, как раз по твоей части. А ну-ка, попробуй угадать?

— Где мне угадать, сестрица, не томи, скажи прямо!

Ху Бинцин не стала больше мучить его:

— Цзя Лун велел тебе отправляться на службу в книжный кабинет. Шучао теперь твоё пристанище. Вместе с тобой там будет внук Лу Чуньлиня, так что вдвоем вам скучно не будет, присмотрите друг за другом.

Сердце Цзызюня радостно екнуло.

Служба в Шучао! Это ведь почти рай: следить за чистотой, присматривать за древними свитками и редкостями. Никакой тяжелой или грязной работы, а в свободные часы можно читать любые книги из собрания господина. О таком назначении он не смел и мечтать.

— Спасибо тебе, сестрица, что в такой дождь принесла мне эту добрую весть! — Юноша в порыве чувств склонился в глубоком поклоне.

Ху Бинцин тут же замахала руками, не давая ему закончить, и перевела взгляд на резную коробку на скамье.

— Не только ради вести пришла. Утром я была у Лао Лю, и когда он услышал, что ты болен, сразу собрал гостинцев. Лао Лю мастер на всякие сладости, открывай скорее, посмотрим, что там!

В коробке ровными рядами лежали диковинные пирожные.

Они переглянулись и, не церемонясь, взяли по штуке.

— М-м-м, до чего вкусно! — промычала Ху Бинцин. Слоистое тесто таяло на языке, а нежная начинка была выше всяких похвал. — Руки у Лао Лю золотые.

Цзызюнь только кивал, уплетая угощение.

— Слушай меня внимательно, — продолжала тётушка Ху, проглотив кусочек. — Когда окажешься на новом месте, приглядывай за внуком старика. Мальчишка он добрый, но простодушный.

— Могла и не говорить, сестрица. Дядюшка Лу был ко мне так добр, разве я обижу его внука?

Бинцин доела последнюю крошку и помрачнела:

— Ты ведь не знаешь... У Лао Лю когда-то была большая семья, десятки душ. Но много лет назад на севере вспыхнул мятеж, варвары жгли леса и горы. Из всей родни спаслись только он да этот малыш.

Цзызюнь, представив, через что пришлось пройти этому добродушному старику, почувствовал, как к горлу подступил комок. Он отложил лакомство — аппетит мгновенно пропал.

— А как же они попали сюда?

— Конечно, благодаря нашему Господину! — При упоминании Чу Цзюиня лицо Ху Бинцин просияло гордостью. — Господин Чу тогда навещал друга, путь его лежал вдоль реки. Он увидел их, едва живых, в воде, и спас. А после — привез в Сяньюань и дал кров.

В Сяньюане многие были обязаны Чу Цзюиню жизнью. Каким бы вспыльчивым и суровым ни был их хозяин, слуги почитали его всем сердцем. И Ху Бинцин не была исключением.

Только вот правда — вещь зыбкая. Всё зависит от того, с какой стороны смотреть. Для Ху Бинцин Чу Цзюинь был величайшим благодетелем, Янь Цзызюнь же, хоть и помалкивал, думал иначе.

— Господин и впрямь обошелся с ними милостиво... — Цзызюнь помедлил, а затем спросил: — Но мне любопытно другое. Как такая открытая и живая душа, как ты, сестрица, оказалась связана с Сяньюанем?

Улыбка исчезла с лица Бинцин. Она тяжело вздохнула.

— Я здесь не по своей воле. Всё из-за брата.

— Твой брат? — удивился юноша. — Раз ты, сестрица, так хороша собой, то и он, должно быть, писанный красавец, благородный муж?

— А то как же? Мы одной крови, разве мог он быть дурнушкой? — Она горько усмехнулась, и глаза её потускнели. — Он был необычайно красив. Красив настолько, что это стало его проклятием. Проклятые родители наградили нас такой внешностью на беду.

Она вдруг выпрямилась, лицо её залило краской гнева.

— Говорят, люди — венец творения, чистейшая эссенция мира. А я скажу: нет существ более эгоистичных и подлых. Больше всего на свете я ненавижу людей!

Заметив оторопелый взгляд Цзыюня, она осеклась. Поняла, что сорвалась на крик перед ребенком, и замолчала, пытаясь унять дрожь.

— Прости, сестрица, я не должен был лезть с расспросами, — поспешил извиниться юноша.

Слова Ху Бинцин показались ему странными, почти безумными. Она говорила о людях так, словно сама к ним не принадлежала. «Неужели она и впрямь... не человек?» — промелькнула в голове пуганая мысль.

Неловкое молчание затянулось, пока они не перевели разговор на пустяки. Спустя время Ху Бинцин, сославшись на дела, ушла, запретив Цзыюню провожать её из-за недавней болезни.

Через два дня пришел Цзя Лун и официально объявил о переводе. Янь Цзыюнь, не теряя ни минуты, собрал свои скромные пожитки и отправился в Шучао.

Миновав извилистые тропы, он увидел над воротами резную табличку: «Шучао».

Внутри его встретил запах старой бумаги, дорогой туши и благовоний. Повсюду, от пола до самого потолка, тянулись стеллажи. Стены украшали свитки с каллиграфией великих мастеров, на столах стояли древние бронзовые сосуды, а в углу на подставке покоилась изящная цинь. Цзыюнь замер, не в силах оторвать взгляда от этого сокровища — сердце его наполнилось благоговейным восторгом.

Вскоре появился управляющий Бай Мао. Коротко переговорив с ним, Цзыюнь понял: человек это мягкий и незлобивый. Тревога окончательно отпустила юношу.

Бай Мао быстро ввел новичка в курс дела и поспешил в главный зал, оставив его на попечение местного служки.

Служка оказался тем самым внуком Лу Чуньлина. Мальчишке было лет пятнадцать-

шестнадцать, одет он был в простое желтое платье, а волосы перехватывал бамбуковой шпилькой. Лицо его так и светилось чистотой, но сам он был крайне застенчив — при разговоре краснел и то и дело разглядывал носки собственных туфель.

В семье он был шестым ребенком, так что все звали его просто — Сяо Лю.

Янь Цзызюнь был на несколько лет старше, так что Сяо Лю сразу признал в нем «старшего брата». Они быстро сошлись характерами и подружились.

Книжный кабинет, который в поместье называли Шучао, был настоящей сокровищницей. Книг здесь насчитывалось десятки тысяч, среди них встречались редчайшие манускрипты былых эпох, за которые любой ученый муж отдал бы целое состояние. Но книги были лишь частью богатства. Повсюду стоял антиквариат: черные чаши с узором «заячья шерсть», изысканные сосуды для воды небесного цвета — от одних названий кружилась голова. Всё это Чу Цзюинь собирал годами в своих странствиях.

Сяо Лю, по молодости лет, больше тяготел к блеску золота и нефрита. Протирая пыль, он иногда, когда никто не видел, тайком вертел в руках драгоценные безделушки.

Цзызюнь же был к ним равнодушен. Всё это принадлежало Чу Цзюиню и не имело к нему никакого отношения. Всё его внимание было поглощено книгами — в старых свитках он видел куда больше смысла, чем в золотых кубках.

Как-то раз, закончив уборку, Сяо Лю стянул рабочий фартук.

— Брат Цзызюнь, дедушка затеял выпечку. Побегу, раздобуду нам и управляющему пару кусочков!

— Иди, — улыбнулся юноша. — Пока дел нет, я присмотрю тут за всем.

Сяо Лю, по-детски сорвавшись с места, мигом исчез за дверь.

Оставшись один, Цзызюнь подошел к стеллажу. Перебирая пальцами корешки, он наткнулся на трактат «Лю Тао».

«Наставления для седобородых старцев», — подумал он, намереваясь вернуть книгу на место, но та неловко выскользнула и упала ему прямо на ногу.

Подняв её, юноша заметил на полях мелкие пометки.

— Что это? Комментарии киноварью? — пробормотал он с любопытством. — И кто же этот «Чуньян-цзы», оставивший подпись?

Обычно читатели не утруждают себя глубокими раздумьями, но этот комментатор был иным. Возле каждой стоящей фразы каллиграфическим почерком были выведены глубокие суждения. Заинтригованный, Цзызюнь присел у окна и погрузился в чтение.

Он читал вполголоса, смакуя каждое слово, пока не дошел до фразы:

«Кто богат и не презирает других — тот милосерден; кто знатен и не возносится — тот праведен; на кого положились, и он не предал — тот верен».

Цзызюнь прижал книгу к груди и замер. Эти слова отозвались в его душе чем-то очень важным. Он повторил их снова и снова, пробуя на вкус каждую букву.

Заходящее солнце окрасило его лицо золотом, окутывая фигуру юноши, сидящего на полу со свитком в руках, тихим, почти священным сиянием.

Чу Цзюинь, вошедший в этот момент, замер на пороге.

«Что этот негодяй здесь вытворяет? — Он быстро юркнул за ширму, пока Цзызюнь его не заметил. — Работать не хочет, уселся тут и бездельничает!»

Он долго наблюдал из своего укрытия. Юноша в грубой одежде сидел неподвижно, погруженный в чтение, и в этом свете закатных лучей выглядел... необъяснимо красиво.

Сердце Чу Цзюиня пропустило удар. Он тряхнул головой, мысленно выругав себя.

«В последнее время со мной творится что-то неладное. Всё из-за этого паршивца!»

«Скоро я стану таким же безумцем, как Чжу Тяньган. Во всём этот лицемер виноват! На вид — чист и благороден, как праведник, а на деле — искуситель, только и знающий, как дурманить головы!»

Он кипел от негодования и уже готов был выскочить из-за ширмы, чтобы осыпать юношу бранью и выставить вон. Но Цзызюнь вдруг заговорил, нараспев повторяя те самые строки из комментариев.

Чу Цзюинь замер, затаив дыхание.

Время шло. Ярость хозяина поместья, еще недавно искавшая выхода, медленно таяла под звуки этого голоса.

Наконец Цзызюнь закрыл книгу и бережно вернул её на полку.

— Удивительный человек этот Чуньян-цзы, — негромко произнес он. — Какая глубина мысли, какая точность суждений. Если бы судьба позволила, я бы всенепременно отыскал его, чтобы выразить свое почтение и просить наставничества.

Услышав это, Чу Цзюинь почувствовал, как к лицу прилила кровь — не от гнева, а от странного смущения. Он тихо фыркнул себе под нос, развернулся и бесшумно вышел.

Уходя, он даже придержал дверь, чтобы та не скрипнула, аккуратно закрывая её за собой.

<http://bllate.org/book/17484/1695006>